Российская академия наук
Уральское отделение
Институт экологии растений и животных

Николай Николаевич ДАНИЛОВ

Материалы к биографии, воспоминания

Издательство «Академкнига»
Екатеринбург
2002

УДК 547 (092)

Николай Николаевич Данилов. Материалы к биографии, воспоминания. Екатеринбург: Изд-во "Академкнига", 2002. — 220 с.: илл.

ISBN 5-93472-106-2

Ответственные редакторы:
доктор биологических наук **В.К.Рябицев**
доктор технических наук **М.Я.Чеботина**

ISBN 5-93472-106-2

© Авторы, 2002
© Оформление. Издательство «Академкнига», 2002

ТАК КЕМ ЖЕ ОН БЫЛ ДЛЯ НАС?

И.А.БОГАЧЕВА

Наверное, в каждой семье существуют Предания.

Конечно, в наших семьях они редко идут из глубины веков: в большинстве случаев наши родители помнят кое-что разве что о своих дедах. А рассказывают они чаще о том, что случилось с ними в детстве, а то даже уже и в зрелой жизни. Так и моя мама любила рассказывать несколько случаев, приходившихся, как правило, на 50-е годы, когда она сама работала в нашем институте — тогда Институте биологии. Точнее дату у нее теперь уже не спросишь... Эти рассказы я и называю Преданиями. Расскажу один из них так, как нам рассказывала его мама.

«Сидим мы на семинаре. Шварц оказался на ряд позади меня. Теребит

меня: «Вера Ивановна! Вера Ивановна!». Недовольно (мешает конспектировать!) оборачиваюсь: «Что?» — «Вы помните, учился с нами такой Данилов?» — «Ну, помню», — и отворачиваюсь. Он снова теребит: «Нет, Вы его внешне-то помните, помните?» — «Ну, помню. Рыжий, конопатый, невзрачный такой. А что?» — «Да вот, познакомьтесь. Это он и есть». Николай Николаевич Данилов сидел в это время рядом со Шварцем. Я вся залилась краской, он — тоже, а Шварц довольно хохочет: чего-то в этом роде он от меня и ожидал».

М-да. Судя по другим Преданиям, Станислав Семенович к тому времени действительно уже хорошо знал эту черту моей мамы: ее бойкий и несдержанный язычок, от которого она сама же в первую очередь и страдала. Вот и перед Николаем Николаевичем ей явно было неловко: она так и помнила все время об этом случае и не только не делала попыток встретиться с ним, но напротив, избегала появляться там, где должен был быть он. А рассказ этот я впервые, наверное, слышала еще девочкой, когда «Шварц» и «Данилов» воспринимались только как соученики моей мамы. Так же, как Борька Хазак или Никита Курдюмов — другие ее однокурсники, которые так и остались для меня только фамилиями. Многие из этих мальчишек ведь и семьями не обзавелись — впереди, совсем близко, была война... А Станислав Семенович обернулся впоследствии Академиком Шварцем, почти небожителем, который в университете читал нам лекции по экологии, а позднее — и директором института, куда я поступила в аспирантуру. Николай же Николаевич стал моим научным руководителем.

Нет, еще раньше он читал нам лекции по зоогеографии в университете. Не по орнитологии: этот предмет

вел у нашего курса Л.Н. Добринский. Но я совершенно не помню этих лекций Николая Николаевича. Просто какой-то провал в памяти. Так что впервые по-настоящему познакомилась с ним в июне 1970 г., когда меня, только что принятую в аспирантуру, отдали под крылышко Николая Николаевича и в составе тогда же возникшей лаборатории отправили на мои первые полевые в неведомую тундру, на стационар «Харп», в ближайшие окрестности Лабытнанги.

Тундра, как и ожидалось, оказалась холодной. А «крылышко» — неожиданно теплым.

Сейчас, оглядываясь назад, я спрашиваю себя: кем же был для нас Николай Николаевич? Чем были наполнены формальные понятия «заведующий лабораторией» и «научный руководитель»?

Заведующий лабораторией. Но они-то очень разные бывают. Недаром не раз и не два сотрудники других лабораторий, слыша о порядках в нашей, вздыхали: «Конечно, у вас же НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ!». Это так и звучало, как будто оба слова состояли из одних больших букв.

Прежде всего, он был Ученым, и это составляло основу его авторитета. Пусть он не был ученым такого ранга, как Станислав Семенович (тот, повторюсь, так и остался для меня небожителем, в присутствии которого я мгновенно цепенела и переставала соображать), но всегда чувствовалось, что он на порядок выше тебя. И сокращалась эта дистанция ой как медленно: конечно, мы, молодые, именно в то время развивались особенно бурно, но не стоял на месте и Николай Николаевич. Впервые войдя тогда в новую для него тематику МБП, под которую и была создана наша лаборатория, он и в ней шел впереди нас. Во всяком случае, именно от него мы узнавали нередко о новых мо-

нографиях и сборниках по интересующим нас проблемам (а его часто знакомил с ними С.С. Шварц, на имя которого приходило великое множество всякой научной литературы). Целью приобщения коллектива всей лаборатории к новой, интересной информации служили и научные семинары, темой которых нередко была только что вышедшая монография по общей проблеме, интересующей всех.

Владея накопленной до него информацией, научный сотрудник должен наметить себе ту проблему, которую собирается решать именно он, и не только грамотно провести полевые исследования, но и уметь сообщить научной общественности о том, что сделано. Случалось мне — конечно, далеко не так часто, как орнитологам — обсуждать с Николаем Николаевичем полученные мной данные. И как самую большую награду расценивала заинтересованный блеск в глазах «шефа» и его энергичное «Это надо быстрей публиковать!».

Николай Николаевич терпеливо и упорно учил нас писать статьи, редактируя поначалу их черновые варианты. У меня он пытался искоренить «телеграфный стиль». Это его выражение относилось к усеченным — скажем, без подлежащего — предложениям. Боролся он и с моими тяжеловесными, строк по 7–8, фразами. В последнем он, между прочим, не преуспел, что легко могут увидеть читающие эти воспоминания. Впрочем, редактировать меня он бросил довольно быстро, считая, видимо, что я могу обойтись своими силами.

В качестве научного руководителя он читал и мою диссертацию, и, как мне показалось, чересчур долго (во всяком случае, несколько месяцев). Когда он собрался уезжать куда-то со Станиславом Семеновичем, а заключительная глава так и не была прочитана, я не выдержала. «Тогда

верните мне диссертацию, Николай Николаевич, и я буду ее печатать», — потребовала я. Думаю, что большинство руководителей нашли бы способ поставить зарвавшегося аспиранта на место, но Николай Николаевич воспринял это «заявление» как-то совершенно спокойно. «Хорошо, Ира, — сказал он, — покажите только сначала диссертацию своей маме». Это я выполнила, получила несколько редакционных замечаний типа «Что это за фраза — "Яблони объедаются гусеницами"?» и «Не следует писать "длина яиц нашего вида", потому что наш вид — это Homo sapiens»... И работа была отдана в перепечатку. Мой оппонент, профессор Павел Михайлович Рафес, ревнитель чистоты русского языка, тоже отметил на защите неоправданно частое употребление возвратных глаголов, но самых рельефных фраз в тексте к тому времени уже не было.

На праздничной демонстрации. Рядом — Д.И. Семенов, дальше, справа — В.И. Юшков, В.Г. Ищенко, В.Н. Большаков. Ок. 1980.

Жизнь лаборатории, однако, состоит не только (хочется даже написать «не столько») из науки. И здесь Николай Николаевич был вместе со всеми. Он ходил с нами на субботники. Ходил и на демонстрации. Вопрос присутствия на них был в то время почти политическим и соответствующую «накачку» перед демонстрацией (обычно от В.Г. Оленева) мы получали непременно, но Николай Николаевич со своей стороны не требовал обязательного «демонстрирования» от нас, так как знал, что многие, воспользовавшись несколькими праздничными днями, выезжают на природу. Сам же приходил непременно, и те из нас, кто оставался на праздники в городе, тоже приходили, чтобы не подводить любимого шефа. Он и так получал нагоняи от начальства за наши опоздания на работу, не сданные в срок рукописи, за сотрудников, не выехавших «на картошку» или не пришедших на работу в овощехранилище; при этом он вовсе не спешил в свою очередь излить свое раздражение на нас. Его укор нам выглядел скорее как информация, в худшем случае замечание, а «разносов» не помню вовсе. Вообще не представляю себе, что я должна была сделать, чтобы Николай Николаевич начал на меня КРИЧАТЬ! Более того, он однажды извинился передо мной за одного из институтских начальников, позволивших себе изрядно повысить на меня голос.

И, конечно, Николай Николаевич был в курсе всех внутрилабораторных разногласий, хоть мы старательно прятали их от него. Его огорчали нелады в наших семьях. Он переживал, когда мы болели, и радовался, видя нас в лаборатории после долгого отсутствия. Он разделял нашу любовь к шуткам и розыгрышам, к лабораторным стенгазетам «на злобу дня», составленным из заго-

ловков газет и картинок из журналов; веселился, читая в институтской газете очередной юмористический раздел «Над чем работают ученые мира?», и явно получал удовольствие от моих стишков, зачитываемых иногда на «лабораторных семинарах», когда вся лаборатория садилась за один накрытый стол. И даже когда при этом однажды прочитали то, что совсем для ушей Николая Николаевича не предназначалось и где его, между прочим, называли Ник-Ником, он и бровью не повел.

Николай Николаевич и сам любил пошутить. Иной раз эти шутки бывали и рискованными, но при этом он старался не обидеть собеседника. Иногда он начинал рассказывать что-то шутливое совершенно серьезным тоном, но хитрый блеск его глаз и преувеличенно-невинное выражение лица помогали внимательному собеседнику не быть пойманным врасплох. То, что вдруг всплывает в памяти, и сейчас вызывает улыбку. Вот один такой момент, относящийся к моему «полю» на Хадыте, вернее всего, — к 1975 г.

Замкнутая жизнь относительно небольшой компанией могла бы быть и скучной, если бы все мы самыми разными способами не разнообразили ее себе и всем остальным. На какие только темы не вели разговоры! Одно время довольно много говорили о телепатии и парапсихологии. Моя коллега Н., убедившая себя, что она во все это верит, с жаром пересказывала известные ей публикации и даже случаи из личной жизни. Николай Николаевич, явно относившийся к теме скептически, больше помалкивал. Но один раз вдруг говорит: «А ведь я тоже однажды слышал мысли на расстоянии». — «Расскажите, Николай Николаевич!» — сразу же воодушевилась Н. И он рассказал. «Слушал я как-то поздно вечером радио. Все передачи закончились. Ведущие попрощались со слушателями,

пожелали всем спокойной ночи, и радио щелкнуло, отключившись. И уже после этого я услышал голос одного из ведущих: «Ну, вот и отышачили...». «Николай Николаевич!!!» — возмущенно воскликнула обидевшаяся было Н., до того принимавшая все за чистую монету, но в следующую секунду уже смеялась вместе со всеми. Засмеялся наконец и сам Николай Николаевич, во время рассказа сохранявший полностью серьезный вид.

Во время полевых с Николаем Николаевичем было хорошо. Он всегда помнил о том, что он — мужчина, а мы — женщины, девочки даже (были ведь среди нас и студенты). На мужчин (конечно, не только на Николая Николаевича, но и на моих сверстников) ложилась самая тяжелая работа: ставить сети, чистить рыбу. Николай Николаевич непременно изготовлял рыбочистку из консервной банки, и главное — возился с моторами. То шпонка полетела, то песочек в двигателе... Для меня лодочный мотор вообще был «черным ящиком», я и не прикасалась к нему никогда. А вот руль повертеть любила. И Николай Николаевич позволял мне это, хотя чувствовал себя при этом (по крайней мере, вначале) явно неуютно. Где-то здесь коварная мель, где-то, как зубья изломанной гребенки, торчат ветки полузатопленного ствола... Но как-то у меня все кончалось благополучно. А если вам будут рассказывать, что, управляя лодкой, я пробила дыру в борте катера «Наука», — не верьте! Фольклор это! Не было дыры — только вмятина, да и та небольшая.

Да что там моторы! Даже принести в кухню ведро воды считалось делом мужским. Женщины, правда, никогда на этом не настаивали, благо вода была практически под рукой: несколько шагов от домика до обрыва реки, еще несколько шагов под крутой берег — и вот

она. Правда, вытащить на крутой берег полное ведро — дело не самое легкое для женщины, но и не непосильное. И вот помню такую сцену: горьковский студент Саша давит спиной надувной матрац, а Николай Николаевич оборачивается на звук пустого ведра, за которое уже ухватилась было женщина, и со словами: «Ира (Наташа, Люда и т.д.), я сейчас!» — выскакивает с ведром за дверь. Не помню, чтобы это благотворно подействовало на Сашу, но женщины старались соответствовать: наводили нехитрый порядок в нехитром же жилье, старались как-то по возможности украсить его (букет цветов, яркие картинки на стенах и т.д.), а главное — готовили. На компанию из 10–12 человек, значительная часть которых — вечно голодные мужики, еды требовалось много. Поэтому рыбы жарили целую кучу, оладушки (обычное блюдо, особенно когда кончался хлеб) пекли тазами, компот варили ведрами, тратя на все это так много времени, что график дежурств по кухне приходилось учитывать при планировании графика взятия проб.

Заполярье! Низовья Оби! Полярный Урал! «Харп»! «Хадыта»! При желании полевые на Севере можно, конечно, представить адом. Рассказчик с полным правом может вспомнить о биче тех мест — гнусе, который не дает спокойно умыться утром на речке и успевает разукрасить лицо и руки, когда берешь пробы в кустах и некогда отмахиваться от мошки; об июльских ночных заморозках и холодных августовских дождях; об усталости на длинных маршрутах; о продуктах, регулярно кончающихся раньше, чем придет катер с новым их запасом; об ожидании писем, которых все нет и нет, и то ли почта виновата, то ли дома что-то не в порядке? Но это были наши лучшие годы. Все мы были молоды, здоровы, весе-

лы, и память услужливо подсовывает совсем другие картинки: моторную лодку, плавно вписывающуюся в такой же плавный изгиб Хадыты; красивейшие места на Полярном Урале; цветы; грибное, а затем и ягодное раздолье... Или: все мы сидим вдоль длинного стола в полутемной комнате домика «Старика» на Хадыте, и Николай Николаевич, прикурив от свечки, начинает что-то вспоминать... А хорошо ведь было! И так же молодым среди нас молодых вспоминается Николай Николаевич, которому в то время было уже за пятьдесят. А сейчас за пятьдесят нам, как было тогда ему.

Так кем же он был для нас?

Когда-то я написала стишок, начинавшийся строчкой: «Вы наш отец, и друг, и брат, и зав»... Наверное, все это вместе и еще многое. Так вот нам повезло: шел рядом с нами по жизни умный, деликатный, заботливый человек, готовый прикрыть нас от начальства, разделить с нами не только неизбежные трудности, но и наши забавы и радующийся (хочу верить) тому, что рядом с ним — мы. Невозможно точно сказать, чему именно он научил каждого из нас, но он явно приложил руку к тому, что мы стали такими, какие мы есть.

Теперь его нет рядом с нами. Уже целых пятнадцать лет.

Но сколько раз за эти годы у меня вздрагивало сердце, когда в полутемном коридоре нашего третьего этажа появлялась вдруг худенькая фигурка, хотя бы отдаленно напоминающая нашего Николая Николаевича!